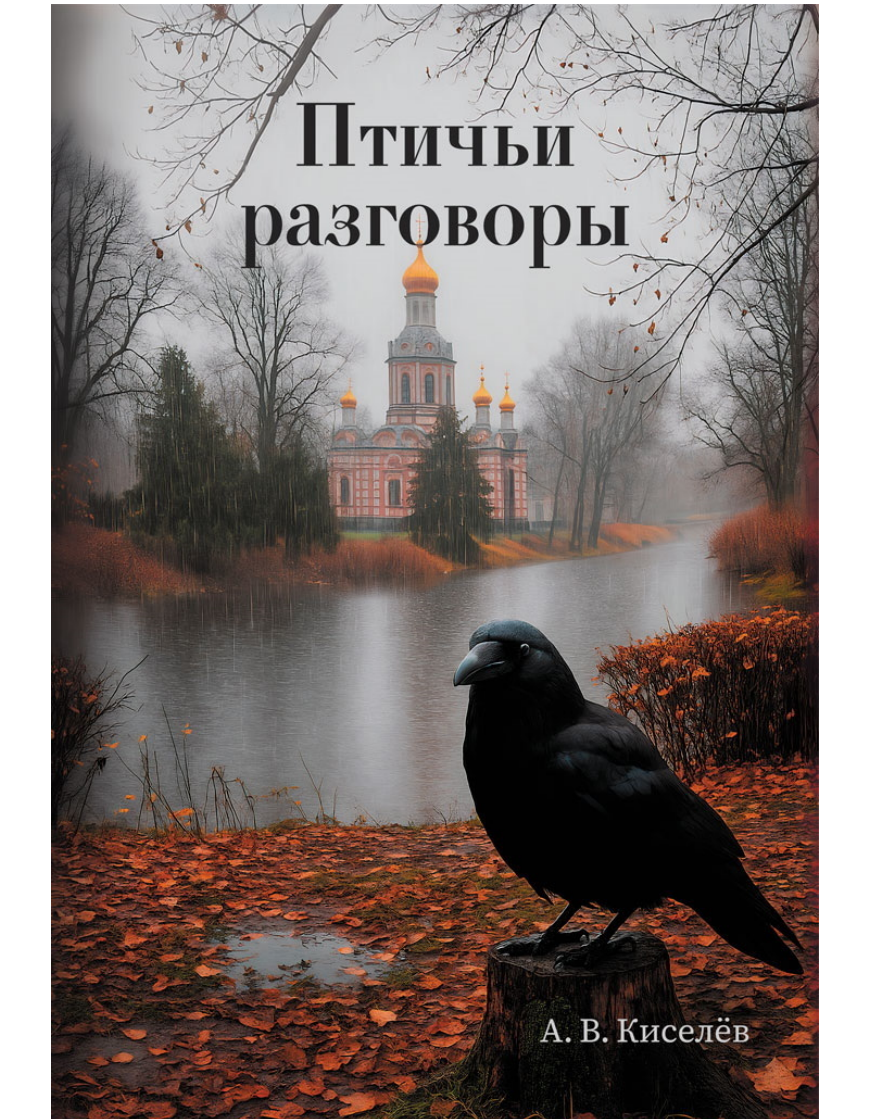

Птичьи разговоры

А. В. Киселёв

Анатолий Владимирович Киселёв

Птичьи разговоры

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74297096

Птичьи разговоры / А. В. Киселёв: Скифия; Санкт-Петербург; 2026

ISBN 978-5-00025-444-8

Аннотация

Первая художественная книга петербургского писателя Анатолия Владимировича Киселёва – это сборник рассказов о встрече человека с самим собой, с другими и с той реальностью, которая всегда чуть шире обычных объяснений. В центре внимания оказываются переломные моменты жизни: когда привычные представления дают трещину, когда боль и растерянность неожиданно соседствуют с юмором, нежностью и тихим чудом повседневности.

Это рассказы о поиске смысла, взрослении и внутренней свободе, о хрупкости и силе человеческих отношений, о том, как обычные ситуации – разговор, дорога, случайная встреча, утрата – становятся точкой внутреннего разворота. В разных сюжетах героям приходится проходить через сомнения, страх, чувство вины и одиночества, чтобы обнаружить: реальность все-таки глубже, чем их прежние знания о себе и о мире.

Книга будет интересна читателям, которые ценят психологическую прозу, ненавязчивую философичность и

истории, оставляющие послевкусие внутренней работы. Она подойдет тем, кто переживал переломные периоды, задавался вопросами о предназначении, зрелости и человеческой близости, кто любит прозу, в которой важны не внешние эффекты, а тонкое изменение взгляда. Эти тексты будут созвучны тем, кто готов учиться, расти, трансформироваться, кто чувствует, что «реальность больше, чем их знание» и кто интуитивно верит: чудо рядом и ждет только нашей готовности его увидеть.

Содержание

1. Птичьи разговоры	6
2. О поисках вдохновения. Свет внутри стены	9
3. Письма себе	17
4. Картины Софьи	27
Часть первая	27
Часть вторая	30
Часть третья	33
Часть четвертая	37
Часть пятая	40
Часть шестая	43
Часть седьмая	47
Часть восьмая	51
Часть девятая	54
Часть десятая	56
Эпилог	59
5. Тень последнего мифа	66
Собиратель осколков	66
Город осенних метаморфоз	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Анатолий Киселёв

Птичьи разговоры

*Как быстро все меняется.
Задачи, цели, смыслы...
Уже не приживаются
В насосном коромысле...
Кто спит, а кто «в экстазе я»,
Кто просто, чтоб поесть.
«Что впереди?» – «Фантазия.
...О прошлом, ваша честь».*

© Киселёв А. В., 2026

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом „Скифия“», 2026

1. Птичьи разговоры

Первым меня всегда будил одинокий, хриплый крик. Он пробивался сквозь сон, как ржавый гвоздь сквозь ткань. Я поворачивался на другой бок, пытаюсь ухватиться за ускользающие остатки сна, но было уже поздно.

Хриплый солист, как по мановению дирижерской палочки, включал второй голос – чистый, почти переливчатый, словно кто-то провел влажной палочкой по краю хрустального бокала. Затем третий, четвертый... Через минуту за окном бушевал настоящий звуковой ураган.

Я подошел к окну. Во дворе на фоне розовеющего неба на вершинах деревьев раскачивались на ветру черные силуэты, отдающиеся во власть своей безумной симфонии. Это был не просто шум. Это был разговор.

Я вслушивался, и постепенно хаос начинал обретать смысл.

Вот отрывистое, тревожное карканье с верхней ветки старого тополя:

– Внимание! Рыжий кот снова крадется у третьего подъезда. Не подлетать низко! – И ему в ответ хор голосов, подтверждающих:

– Видим! Принято!

А вот булькающий, нежный пересвист двух птиц на соседних ветках. Я всегда представлял их старыми супругами.

– Ты здесь? – спрашивал один тихим, хрипловатым голосом.

– Я здесь, все хорошо, – отвечал второй, чуть чистым, успокаивающим тоном.

Молодняк на нижних ветках устраивал утреннюю переключку и тренировку. Их крики были громче, неопытнее. Один пытался издать угрожающий клич, но получалось жалобно и сипло, будто сорвался голос. Старая ворона рядышком коротко и деловито каркнула ему что-то вроде: «Постарайся – научишься».

Но главное обсуждение шло в центре. Оттуда доносились самые громкие, настойчивые и разнообразные крики. Шла планерка. Я был в этом уверен. Они решали, куда лететь завтракать. Одна агитировала лететь к рынку, где добродушная продавщица всегда оставляла на краю лотка подпорченные фрукты. Другая настаивала на новом мусорном баке за обновленным кинотеатром, который превратился в современное арт-пространство. Спорили, перекрикивали друг друга, выстраивая иерархию силой голоса.

И вдруг, как по сигналу, гвалт прекратился. Наступила почти полная тишина. Решение было принято. Секунда, другая – и с вершин деревьев, словно черные листы, сорвавшиеся от порыва ветра, поднялась вся стая. Они кружили над домом, сверкая на поднимающемся солнце, и затем дружно, одним живым облаком, рванули на юго-восток, к рынку.

Улица снова принадлежала людям. Я стоял у окна и улы-

бался, поскольку только что подслушал совет, который длился полтора часа и решал вопросы жизни, смерти, пропитания и любви. И это было куда интереснее утренних новостей.

2. О поисках вдохновения.

Свет внутри стены

Я сидел на полу со своей фотокамерой, пытаюсь найти ту точку, в которой случится новое – то, что не укладывалось в бесконечную последовательность «дел» от утренней гимнастики, завтрака, работы, походов в магазины до кино по телевизору, ужина, сна. Раньше вдохновение было в пути: горы Алтая и Кавказа, рассвет над морской или озерной гладью, вдохновленные впечатлениями люди, разговоры с незнакомцами на фоне красивых до стандарта экскурсионных объектов, а теперь я оказался здесь – в шести стенах, которые хоть и создают желаемый уют, но никак не вяжутся с вдохновением.

Я ловил свет между полотенцами, следил за фонарем на улице, пытался разглядеть отражение собственной досады в кнопке затвора. Казалось, что настоящая жизнь – там, за горизонтом или в чужой улыбке, а дом – лишь временная пауза. Я привык думать, что настоящий сюжет всегда ждет где-то далеко, за паспортным контролем.

Но время застоя вдруг начало расплетаться внутренней тишиной. Я вспомнил слова старого знакомого-философа: «Внутренняя новизна – это когда умеешь разглядывать свое присутствие, а не только фотографировать уходящее». Я ни-

когда не задумывался, почему фотоснимки постепенно теряли остроту, почему среди тысяч кадров не было того единственного – как будто что-то важное пряталось на поверхности самой жизни, а я невольно искал только «события».

Я решил: не выйду из этой комнаты, пока не пойму, как зажечь искру внутри самого себя – без смены пейзажа, без новых маршрутов.

На кухне шел дождь. Точнее, стекавшие капли по оконному стеклу отражали мутный, желтый свет фонаря. Я поставил камеру под необычным углом – снимал лишь игру света на поверхности, не задумываясь о предмете. Вдохновение стало походить на игру ребенка: странный ритм, неясные формы, случайные тени.

Я обнаружил новый способ видеть привычное – через детали, которые обычно остаются незамеченными. Щетка для мытья посуды, выцветший магнит на холодильнике, кружка с трещиной – все начинало дышать. Я принял решение посвятить целую неделю одному-единственному пространству: квартире, которая никогда не казалась мне достойной фотосюжета.

Снимки застывали в цифровой памяти – картина дня складывалась из фрагментов. Каждое утро я открывал фотодневник и смотрел: нет ли в нем настоящей жизни, не просочилось ли что-то живое сквозь монотонность быта.

В первый вечер я обнаружил – вдохновение стало приходить не снаружи, а через размытое стекло привычного.

* * *

Душной ночью, когда шум из соседской квартиры смешивался с сигналом ночных автомобилей, я проговорил вслух:

– Что скрыто тут, что я никогда не замечал?

Я вспомнил упражнение, услышанное в интервью: описывать знакомый предмет так, как будто видишь его впервые – как инопланетянин, не знающий о его назначении. Я положил перед собой ключи.

– Маленькие металлические образования с симметричными вырезами. Возможно, символы власти или игра? Может, не открывают двери, а собирают свет...

Я фотографировал ключи в разных ракурсах: на фоне книги, под каплями воды, в руке старой перчатки. Каждый снимок был попыткой снять не объект, а собственное отношение к нему – свое одиночество, ожидание, тревогу, интерес.

Я заметил: дом, который раньше казался ловушкой, превращался в арену для исследований. Я не просто снимал – я рождал новизну из самого процесса взгляда.

* * *

На третий день эксперимента я стал снимать свою тень.

Утром – длинную, расползающуюся по стене, вечером – короткую, словно прижатую к полу. Вдруг я осознал: фото для меня стало не способом убежать, а способом сделать шаг внутрь себя. В отражениях стал замечать настроение, борьбу ожиданий, усталость и радость.

Я попробовал снять себя не фронтально, а отражаясь в предметах: ложке, телефоне, даже в пузырьке мыла. Каждый кадр был как терапия – попытка нащупать новые смыслы, когда кажется, что все уже видно и испытано.

Вдохновение стало приходить не в образах новых мест, а в честности собственных эмоций и внимании к деталям.

* * *

Внезапно я начал делать снимки не ради сюжета, а ради фиксации настроения. Иногда просто фотографировал пустой стол, когда казалось, что день потерян. Величайшее открытие состояло в том, что даже в этом есть красота.

Я углубился в дневник: выставил свет так, чтобы он падал на только что открытое письмо на столе; в другой раз фотографировал угол под диваном, представляя себе детей, играющих в прятки. Я нашел себя в этих фрагментах, стал находить диалог с прошлым и фантазиями о нем, с забытыми страхами, с надеждой на перемены.

Каждая фотография, сделанная не для кого-то, а для себя, открывала новый слой реальности. Я понял, что даже самые

обыденные предметы разговаривают с ним на своем языке, если я готов их услышать.

* * *

Однажды утром рассвет озарил стену капельками оранжевого света. Я поставил камеру и стал часами наблюдать, как изменяется освещение, как предметы теряют очертания, становятся абстрактными, словно перетекают друг в друга.

Я вспомнил слова Мерло-Понти: «Проницаемость вещей – во взгляде, а не в сюжете». И действительно, чем больше я всматривался, тем больше замечал – композиция рождалась сама, когда переставал контролировать процесс, отпускал разум.

Фото стали медитацией, открытием новых смыслов в знакомом пространстве. Я делал снимки по одному в час, потом начинал их сравнивать: как меняется форма чашки под разным светом, как тень от книги распадается на фрагменты.

* * *

В какой-то момент мне надоело планировать кадры. Я схватил камеру, поставил случайный таймер, ушел в другую комнату, не думая о результате. Первая фотография – размытая, нечеткая, странная и... живая. Во второй раз я снял

упавший носок рядом с рекламной брошюрой на полу.

Я понял одну важную вещь: часть вдохновения приходит из свободы позволить хаосу проникнуть в искусство. Там, где случайность – не помеха, а соавтор.

Я стал снимать из окна, настраивать камеру и уходить заваривать чай, возвращаться и удивляться, что произошло в отсутствие прямого контроля – как будто жизнь сама создает сюжеты.

* * *

Я стал читать форумы, где люди задают вопросы по видеосвязи: «Расскажите мне, что вам кажется интересным в этой комнате, чего я не вижу». Люди отмечали необычные вещи – угол занавески, линию между плитками на полу, тень, бегущую по батарее. Я фиксировал их запросы, анализировал восприятие.

Диалог с чужим взглядом разбудил внутренние резервы: я начал замечать, насколько по-разному можно видеть мир. Снимки других людей существенно отличались от моих собственных – новизна была не в самом объекте съемки, а в бесконечных вариациях взгляда.

* * *

Я включил музыку, попробовал снимать под разные музыкальные треки. Джаз придавал динамику ковру, электронная музыка делала стеклянную лампу похожей на город, классика – успокаивала складки штор. Я понял: звук меняет отношение к зрению, вдохновение рождается на стыке разных чувств.

Вдохновение теперь не требовало нового города – оно становилось частью самой жизни, пересекающейся со всеми другими опытами.

* * *

Последний день недели был дождливым и серым. Я сделал серию из пяти фотографий одного гвоздя в стене: утром, днем, вечером, в пасмурные часы, под лампой. Гвоздь стал символом всего пережитого – того, что кажется неизменным, но ежесекундно меняется, если присмотреться.

Я просмотрел дневник: сотни снимков, столько разных эмоций и состояний, много нерешенных вопросов и внутреннего роста. Я наконец понял: фотография – это не бегство от привычного, а поиск новых смыслов в самой привычности.

Я сидел на полу, камера лежала рядом. За окном проходила обычная питерская осень – ветер шевелил листья, электронное табло показывало дождь. Я смотрел на свои фотографии, чувствовал невероятное облегчение: вдохновение больше не требовало географических приключений, не было привязано к событиям.

Внутренняя новизна стала возможной каждую секунду – если быть честным с собой, с пространством, с настоящим. Я больше не искал чужие сюжеты, я научился видеть свет внутри собственной стены, внутри себя.

В фотоаппарате была всего одна фотография, которую я никогда не смогу повторить – отражение моего взгляда, как новорожденной звезды: миг, в котором я позволил миру быть не только «фоном жизни», но и настоящим, уникальным опытом.

3. Письма себе

Современная наука, опираясь на принципы материализма, постулирует тезис, что жизнь конкретного человека имеет начало и конец. И это относится как к его материальному телу, так к и психике, то есть способности к сознанию и самосознанию, поскольку психические процессы происходят, прежде всего, в головном мозгу, который смертен, как и все тело. Отсюда следует, что человек рождается как чистый лист, и/или его способности, предрасположенности, здоровье, условия жизни, в которых он появился, задатки, родители и окружение, и все остальное – это просто набор случайностей. Однако с точки зрения других теорий, по своей идеологии не совпадающих с мнением официальной науки, все как раз наоборот. Та же астрология говорит о цикличности всего происходящего, в том числе и жизни, и развитии человека, и его души. Что его изначальные условия нынешней жизни зависят от того, как он жил в прошлом. И тому есть масса подтверждений и в других мистических учениях. Современная наука может возразить тем, что память о прошлых жизнях – это просто обман, связанный с «наведением». Но, тогда как быть с диалектическим противоречием о единстве и борьбе противоположностей: если жизнь конечна, то почему смерть вечна? Либо смерть тоже конечна, либо жизнь тоже вечна, поскольку эти

явления с точки зрения логики одного уровня. Или не одного?

Никогда ничем не болел. В принципе. Нет, ну сопли там по весне или головная боль с похмелья это понятное дело. Но, когда доктор Юрий Иванович произнес мой диагноз, я не сразу понял, что именно он сказал. Не потому, что плохо слышу – слух у меня зверский. Просто мой мозг, этот тщеславный вычислитель, отказался обрабатывать новую реальность. Как компьютер, когда вы пытаетесь открыть тысячу вкладок одновременно.

– Понятная болезнь, – произнес он четко. – Ну а что же вы хотите в вашем возрасте?

Он был молод, лет тридцать пять, с идеальной бородой, которая явно стоила ему больше времени, чем мое здоровье. Его кабинет был оформлен в стиле научного минимализма: три полки с медицинскими журналами, одна фотография в золотистой рамке (предположительно, его семья) и загадочное растение на подоконнике, которое могло быть фикусом или авокадо.

– Болезнь серьезная, но излечимая, опасны осложнения, – добавил он, глядя в монитор компьютера, словно тот содержал тайную инструкцию к смыслу бытия. Может, и содержал. Есть мнение, что компьютеры чему-то нас учат.

Я сидел напротив него, облаченный в бумажную рубашку, которая порвется при первом неловком движении. Она бы-

ла голубого цвета. Почему в медицине всегда голубой, как символ надежды? Наверное, чтобы пациенты чувствовали небесное облегчение, прежде чем узнать новости.

– Есть курс лечения, – сообщил доктор, переходя в режим спасателя. – Современный курс. Последние достижения медицинской науки.

Слово «курс» красиво. Как маленькая птица, которая вьет навигационное гнездо надежды прямо у тебя на груди.

Я кивнул. Механически. Как когда слушаешь супругу, увлеченно рассказывающую о проблемах коллеги, а в голове звучит саундтрек из «Осеннего марафона».

Выходя из кабинета, я показал полученные от доктора «бумажки» медсестре Люде, сидевшей у стойки и вязавшей что-то розовое. Не понять, шарф это или кот. В ее исполнении могло быть любое.

– Шоколад, – сказала она, глядя на мой рецепт. – Мне всегда помогает.

– Спасибо, Люда, – ответил я. – Но, кажется, здесь требуется что-то серьезнее.

Дома я открыл ноутбук и ввел запрос: «жизнь после тяжелой болезни». По-человечески хочется верить в чудо – даже тем, кто всю жизнь доверял только логике.

Отобрал для себя статьи про чудесное исцеление, форумы, рассказы людей, которые изменили жизнь после встречи с болезнью. Один парень написал, что болезнь спасла его от скуки, теперь он научился танцевать на пляже. Я не танцую.

Потом попался раздел философии. О смерти, и о смысле жизни. Что болезнь – это переход, трансформация. Материя не пропадает, лишь меняет свой вид. С одной стороны, это утешает. С другой – пугает.

Вспомнил, как в юности читал книгу буддистского монаха про сансару. Там говорили, что жизнь и смерть – как день и ночь одной медали. Читал это ради девушки Маши, хотел ее впечатлить. Получилось лучше с куплетом из «Машины времени» – она пошла со мной в кино. Мария вышла замуж за стоматолога.

На следующий день мне позвонил старый друг Витя. Он учился на философа, но работает в системе маркетинга, потому что маркетинг платит лучше.

Я не стал говорить по телефону о болезни. Просто пригласил встретиться. Мы договорились в кафе «Эйнштейн» у моего дома. На стене там висела фотография Альберта с растрепанной шевелюрой – словно Эйнштейн размышляет о неправильных аксиомах бытия.

Витя пришел традиционно: черный свитер, джинсы, очки, которые ему явно не идут. За пятнадцать лет дружбы ярких нарядов не замечал – его гардероб существовал в градациях серого.

– Ты выглядишь ужасно, – сказал он.

– Спасибо, – буркнул я. – Болезнь.

Очки съехали на кончик носа. Витя опустил их и посмотрел вверх.

– Понял. Давай без драм. Нужен совет философа?

– Да. Медицина мне не ответила.

– Философ рекомендует кофе, – кивнул он. – А потом разберемся.

Мы молчали среди городской суеты: вокруг люди жили обычной жизнью, не подозревая, что за соседним столиком человек впервые пытается осмыслить хрупкость существования.

– Я запутался, – произнес я. – Болезнь, философия, восточные учения и циклы. Материя неуничтожима, но личность исчезает. И почему это не утешает?

Витя улыбнулся:

– Потому что ты – не просто кучка атомов. Ты – уникальная конфигурация, случайность. В этом есть красота. Жизнь каждого человека бесценна именно по причине уникальности.

– Реинкарнация дает надежду, что я вернусь?

– Это красивая сказка. Память не сохраняется, а вера в циклы дает психологическое утешение. Буддизм говорит: смысл не в перерождении, а в преодолении сансары.

– А нирвана?

– Это выход за пределы цикла. Не вечность личного «я», а слияние с потоком. Но эмпирических подтверждений нет.

– Значит, конец?

– Нет – переход. Осознание конечности освобождает, открывает возможность быть настоящим. Стоики в древности

учились прощаться с каждым днем заранее, чтобы не цепляться.

– Болезнь – школа стоицизма?

– Болезнь – задница, но осознание ее – может быть даром.

На следующей неделе пришло письмо от тетушки Анны из Калужской области. Мама все рассказала, такова ее натура. Тетя была глубоко верующей, но читала и про восточные религии, постоянно пахла ладаном.

«Дорогой племяшка! Болезнь – это путь преображения. Душа проходит испытания, возвращается сильнее. Ты тоже возродишься – возможно, уже не раз возрождался. Медитации тибетских монахов помогут подготовиться к переходу...»

Я стал слушать музыку по ссылкам, приложенным к письму. Низкие басы, неземной ритуал. На пятнадцать минут меня хватило.

Письмо тетушки породило сомнения. А если она права? Существовал ли я прежде? Или буду кем-то еще? Будет ли новый «я» помнить меня?

Позвонил психологу. Хотел услышать научное объяснение веры в такие штуки.

– Когда человек сталкивается с неизвестностью, мозг ищет шаблоны, – объяснил профессор Иванов. – Это эволюционное устройство, помогающее минимизировать страх. Реинкарнация – полезная гипотеза для адаптации к смерти.

– Но ведь это не доказано?

– Для некоторых психологическая правда ценнее фактической. Главное – помогает жить.

Я ожидал однозначности. Услышал: «Полезная ложь иногда становится истиной».

Завалил стол философскими книгами. «Бытие и время» Хайдеггера, «Миф о Сизифе» Камю, тексты по буддизму. Писал от руки:

«Жизнь конечна. Смерть – это событие, а не вечность. Материя вечна, я – нет. Я точка на линии времени, имеющая начало и конец.

Почему линия существует? Я случайность эволюции, и сама случайность бесконечна. Я – выбоина на дороге бытия. Это страшно и прекрасно.

Диалектическое противоречие: если жизнь конечна, а смерть – конец, почему нет конца смерти? Ответ: конец конца – продолжение конца, слова теряют смысл. Мы не так мыслим смерть.

Может, смерть фон, а не точка? Она прибывает постоянно – гибнут клетки, исчезают привычки. Смерть – фон жизни, не ее противоположность».

Это ощущалось ближе к истине. Менее страшно.

Библиотекарь тетя Таня наблюдала с осторожностью.

– Вы выглядите, как человек, который увидел истину, – заметила она.

– Или сошел с ума.

– Иногда разница неочевидна, – ответила Таня.

Я приступил к лечению. Ожидал ужаса, но это было иначе – и именно это пугало больше. Появились побочные эффекты, сменилась внешность, стригся коротко, теперь выглядел историческим интеллигентом, а не программистом.

В больнице встречал других больных: Олега, читавшего книги; Ирину, вязавшую шарфы; Виктора – печального старика, инженера в прошлом.

Мы не говорили о смерти, только о жизни. Олег рекомендовал литературу, Ирина – советы по вязанию, Виктор – истории про построенные дома.

– Видишь дома за окном? – спросил он. – Это мои, я навеки. Не сам я, а дела мои. Карма поступков.

Понял, что смысл в действиях. Бессмертие не через душу, а через влияние. Материя бессмертна, а действия вечны в мире.

Я писал записки, фиксировал свои открытия, заметки для себя. Не для потомков.

Через несколько месяцев лечение дало результат. Симптомы уменьшились. Врачи говорили «ремиссия» – не исцеление, а переход.

Главное чудо произошло раньше, когда болезнь заставила изменить взгляд на мир. Выходя из больницы, пошел в парк; впервые за долгое время просто ходил и дышал полной грудью.

Позвонил Вите.

– Все хорошо, – сказал я. – Гуляю в парке, смотрю на осен-

ние листья.

– Картина достойна философа, – заметил он.

– Понял кое-что: восточные учения – утешение, но утешение может быть правдой. Материя неуничтожима, личность исчезает, но поступки, слова, отношения – это и есть бессмертие.

– Ты придумал свой материалистический буддизм? – рассмехался Витя. – Красивая философия, брат.

Я всматривался в осеннее небо и думал: каждый момент – это смерть прошлого. Дыхание – смерть и рождение одновременно. Жизнь и смерть – не противоположности, а этапы цикла.

Год спустя стал волонтером при центре помощи больным. Объяснял новичкам: болезнь – не конец, а начало поиска смысла.

Познакомился с девушкой Машей, у нее испуг и злость.

– Как можно жить, когда знаешь про болезнь? – спросила она.

– Как все живут – просто живешь. Жизни не нужна гарантия вечности, ей нужно быть жизнью.

– Мудрость или отрицание?

– И то, и другое. Иногда мудрость – это отстраненность.

Я продолжал фиксировать размышления, но заметил, что записки – не для кого-то, а для меня, чтобы справиться с переменой.

Открыл первый листок: «Если ты читаешь это, значит ты

– это я в прошлом».

Понял, что письмо себе – способ переосмыслить жизнь: каждый день – «последний и первый».

Прошло пять лет. Болезнь ушла, я стал опытным выжившим. Мои мысли читали другие – философские заметки, лекции для студентов, беседы с людьми на форуме.

Получал письма от учителей, священников, просто читателей: мои размышления помогли кому-то пережить трудности. Кто-то использовал их в классе при разговоре о жизни и смерти.

Встречался с Витей в том же кафе «Эйнштейн». Фотография Альберта потрескалась. Все в мире трескается – но трещины пропускают свет.

– Я ошибался, – признал Витя. – Материализм не лишает красоты, конечность – это дар. Вечность невыносима, а конечность делает каждый момент бесценным.

Я кивнул. Осознал, что восточные учения и наука – не враги, а разные языки.

Утешение и истина не противоречат друг другу.

Я закрыл глаза, прочувствовал дыхание, жизнь, смерть, рождение новых мгновений. Открыл окно – за ним был бесконечный поток жизни и смерти, и я был его частью.

Потому что я жил.

4. Картины Софьи

*Рисовать может каждый, но не каждый хочет.
А тот, кто хочет, способен изменить не только
себя, но и мир, который его окружает.*

Часть первая Пустота

Софье исполнилось тридцать два года, и она все еще не знала, зачем она живет.

Это осознание приходило к ней волнами – то вялое, едва ощутимое, словно холодная вода, то острое, режущее, как стекло. В последние два месяца волны участились. Софья просыпалась посередине ночи, задыхаясь вопросом: *зачем?*

Ее жизнь была логична, упорядочена, почти идеальна с точки зрения общепринятых стандартов. Она закончила университетский факультет истории искусств, работала в музее реставратором, занималась классификацией и описанием полотен, писала каталоги и аннотации. Ее коллеги говорили, что она обладает редким даром видеть в картинах то, что другие упускали. Но Софья не писала картины. Она просто смотрела на них – чужие шедевры, чужие мечты, овеществленные и размещенные на стенах музея и хранящихся

в запасниках.

«Почему ты не рисуешь сама?» – иногда спрашивала ее мать, уже немолодая женщина, всю жизнь проработавшая учительницей в школе и считавшая творчество чем-то священным. Софья пожимала плечами, она не знала, что сказать, потому что настоящего ответа не было.

Квартира, которую она снимала на окраине старой части Петербурга, была светлой и пустой одновременно. Два больших окна выходили на канал, по которому в осенние месяцы тянулась тоска – серая, липкая, бесконечная. Софья любила эту тоску. Она чувствовалась роднее, чем радость, более честной, более настоящей. На стенах висели чужие картины – репродукции современных художников, которых она когда-то изучала для работы. Шум, олицетворявший собою всеобщее загрязнение среды обитания типичного горожанина, исходящий от соседей, от города, от жизни, проходил сквозь эти стены, как электрический ток через провод с потрескавшейся изоляцией.

Она ходила на работу, возвращалась домой, ела что-нибудь безвкусное, читала в интернете мало относящиеся к ее жизни новости, смотрела фильмы про жизни других людей и засыпала с наушниками, слушая подборки об искусстве, философии и смысле жизни. Дни складывались в недели, недели в месяцы, месяцы в годы – и все это время Софья ждала чего-то, не понимая, чего именно.

Ее лучшая подруга Ксения, работавшая психологом в

частной клинике, однажды предложила ей сеансы психокоррекции. «Ты в депрессии», – сказала она с той особой уверенностью, которая свойственна людям, занимающимся чужими душами. Но Софья отказалась. Она не верила, что этот недуг можно назвать депрессией. Это было что-то более амбивалентное – не печаль и не радость, а пустота, через которую проникает все остальное, не оседая и не привнося смысла.

Одним из поздних вечеров октября, когда небо над Петербургом, следуя законам природы, прислонилось к земле, Софья как обычно собиралась закончить музейную работу и направиться домой. Коридоры были пусты, охранник дремал в своей будке. Она прошла мимо выставки новых поступлений, и ее взгляд задержался на пустом холсте, который стоял в углу реставрационной мастерской.

Холст был обычным, непримечательным. Но что-то в нем вдруг пробудило в ней чувство, которое она забыла за годы анализа и классификации. Чувство возможности.

Софья остановилась посередине мастерской и долго смотрела на этот холст. Затем, не спросив никого, она взяла его, вместе с тюбиками краски и старыми кистями, которые лежали на полке, и пошла домой, неся холст, как груз спасения.

Часть вторая

Первые штрихи

В ту ночь Софья почти не спала. Холст лежал на ее кровати, и она просто смотрела на него при свете лампы над изголовьем. Где-то в глубине ее сознания, там, где она давно уже не искала ничего, шевельнулось что-то живое.

Утром, прежде чем собраться на работу, она подошла к окну. Октябрьский свет падал на холст, подсвечивая золотом его края. Софья посмотрела на канал – на стаю ворон, которые собирались на ограждениях, на черную воду, на противоположный берег, где среди деревьев виднелись старые кирпичные дома, похожие на спящих великанов.

И она просто начала рисовать.

Никаких планов. Никаких набросков. Она взяла кисть в руку, обмакнула ее в первую попавшуюся краску и провела первый штрих. Штрих был неуверенным, дрожащим, но живым. Потом второй. Потом она взяла другую краску, потом уже целенаправленно синюю, потом желтую – неправильные цвета для такого дня, но они были цветами ее внутреннего состояния, цветами того, что просилось наружу.

Софья не заметила, как прошло утро. Она забыла про работу, про музей, про обычный распорядок дня. Ее руки двигались автоматически, но не механически – как будто они помнили что-то, чему ее ум никогда не учил. Краски смеши-

вались, формировали образы: вороны, распахнутые крылья, черные перья, падающие в воду, и среди них – черное солнце, неправильное, излучающее не свет, а какую-то странную тень.

Когда Софья вернулась в реальность, на часах было два дня. Ее спина болела от того, что она долго стояла в одной позе, руки были запачканы краской до локтей, лицо было грязным от того, что она несколько раз проводила по лбу испачканными в краске пальцами. Картина была далеко не совершенна. Вороны выглядели немного кривовато, архитектура города была смята, как будто под неправильным углом, солнце было просто черным пятном. Но в этой картине была жизнь.

Софья упала на кровать рядом с холстом и начала плакать. Она плакала не от усталости и не от разочарования, а от облегчения. Впервые за долгие годы она почувствовала, что произошло *что-то*, что время не просто прошло мимо нее, но прошло сквозь нее, оставив след. Она не была пассивным зрителем жизни. Она была ее частью, ее соавтором.

Софья не пошла на работу и на следующий день. Вместо этого она начала рисовать вторую картину.

И третью.

И четвертую.

Дни и ночи перемешались. Она забывала о еде, о сне, о звонках от матери, которая беспокоилась, не получив ответа. Ее квартира превратилась в мастерскую. Холсты стояли

вдоль стен, пол был испещрен подтеками краски, которые случайно накапали с кистей. Софья выглядела грязной, похудевшей, слегка как бы осоловевшей и одновременно счастливой так, как никогда раньше в жизни.

Картины, которые она писала, были странными. Они не подчинялись правилам академической живописи, которую она когда-то изучала как непреложную истину. Они не были красивыми в традиционном смысле. Но в них была правда – какая-то сырая, недообработанная, болезненная правда о ее внутреннем состоянии. На картинах возникали образы: лабиринты из слов, которые она хотела сказать, но не могла; фигуры людей с их размытыми лицами, как если бы они были сфотографированы с большой выдержкой; деревья, растущие вниз вместо вверх; дома, которые были и жилищем, и тюрьмой одновременно.

Месяц спустя Софья была уволена с работы. Директор музея не звонил ей, не писал официального письма. Одна из ее коллег, встретив ее в очереди в «Перекрестке», просто сообщила, что они уже нашли ей замену. Софья приняла это как должное. Ее старая жизнь отпустила ее, как улитка отпускает панцирь, становясь чем-то более уязвимым и более живым.

Она жила на накопления, которые быстро таяли. Квартплата, краски, холсты... все это стоило денег. Но Софья рисовала. Рисовала, забывая о голоде, о счетах, о будущем. Рисовала, как человек, который наконец-то понял, для чего он живет.

Часть третья

Чудо

Случилось это в декабре, накануне Нового года, когда город уже полностью оделся в черно-белую палитру зимы и лишь разноцветные уличные фонари и рекламные щиты оживляли спячку природы.

Софья писала картину, на которой изображалась ее комната – та самая светлая и пустая комната с двумя окнами, выходящими на канал. Но в этой картине комната была наполнена светом, странным, фиолетовым светом, который исходил изнутри самых стен. На полу росли цветы – неправильные, с лепестками, похожими на крылья. Около нарисованного окна притулилась фигура. Это она же, Софья, но молодая, как в юности, с широко открытыми глазами, которые могли смотреть не только вперед, но и внутрь себя.

Она рисовала эту картину пять дней. Не спала, почти не ела. Ее организм работал на какой-то неизвестной энергии, той самой, которая заставляет художников подниматься в 4 утра, чтобы добавить всего лишь одну линию, способную изменить композиционный и тональный смысл картины. Когда Софья, наконец, отложила кисть и посмотрела на готовую картину, она почувствовала, что что-то изменилось.

Комната вокруг нее медленно трансформировалась.

Сначала это было едва заметно. На полу, под столом, про-

клюнулся маленький цветок – белый, с фиолетовыми прожилками на лепестках. Софья присела и потрогала его. Цветок был твердым, живым, настоящим. Она посмотрела на картину – и на картине цветок был точно таким же.

Затем свет у окна изменился. Стало светлее, теплее, как будто сквозь серое декабрьское небо пробилась какая-то другая реальность – более мягкая, более золотистая. На стенах начали появляться узоры, такие же, как на картине – тонкие линии, похожие на корни деревьев, которые вели от пола к потолку.

Софья стояла посреди своей комнаты и смотрела на то, что происходило. Она знала, что это невозможно. Она была образованной женщиной, реставратором, она знала о свойствах краски, о законах физики, обо всем том, что должно было быть реальным. Но происходящее было реальнее, чем что-либо еще в ее жизни.

Картина была не просто произведением искусства. Картина была порталом. Мостом между миром, который она представляла, и миром, в котором она жила. И сейчас этот мост начал укрепляться и отчетливо проявляться, реальность начала медленно перестраиваться, приспосабливаясь к образу, который нарисовала Софья.

На протяжении следующей недели ее комната полностью преобразилась. Не во что-то чужое и неузнаваемое, но во что-то такое, что было всегда внутри этой комнаты, просто дремало, ожидая, чтобы кто-то нарисовал его. Свет, который

падал из окна, теперь был мягким и золотисто-желтоватым, словно комната находилась не в Северной столице, но в каком-то явно южном и теплом месте. Стены перестали быть просто серебристо-белыми – они приобрели глубину, текстуру, как будто были сделаны не из кирпича, гипса и краски, а из какого-то другого материала, который пульсировал изнутри. Цветы покрыли пол и начали медленно карабкаться по стенам.

Софья рисовала дальше.

Каждая новая картина вносила изменения в ее жизнь. Она писала картину про дверь, которой не было в ее комнате, – и дверь появилась, ведущая в какой-то коридор, наполненный зеленовато-голубым светом. Она писала картину про музыку – и в ее квартире начала звучать музыка, которую никто не включал, мелодия, которая исходила из самих стен, из самого воздуха. Она писала картину про встречу с собой из прошлого. И однажды утром, проснувшись, она увидела себя, юную, сидящую на подоконнике, которая улыбалась ей с глубоким сожалением и мудростью.

Софья перестала различать, где кончается реальность и начинается созданный ею мир. Она поняла, что это самое главное, что могло с ней произойти. Потому что эта неразличимость словно говорила, что мир, который она хотела создать, был таким же настоящим и значительным, как мир, в который она была рождена. Что ее мечты, воплощенные на холсте, имели такую же сущность, как и окружающие ее до-

ма, люди и деревья.

Часть четвертая

Дар и проклятие

Софья подарила свою первую картину Ксении на ее день рождения.

Ее подруга была потрясена. Она повесила картину в своем кабинете над диваном, где она консультировала своих пациентов. Это была картина про исцеление, про то, как человеческая душа медленно восстанавливает «сломанные части» самой себя. Софья рисовала, думая о Ксении, о том, как та годами слушает чужие боли и печали, впитывая их в себя.

Но потом Ксения позвонила ей через два дня и сказала: – Софья, что-то не так. Картина... она изменилась. Вчера она была золотистая, а сегодня она серая. И я не чувствую... я не чувствую больше того, что я чувствовала вчера. Это было как... как защита. И теперь ее нет.

Софья приехала к подруге и увидела, что произошло. Картина действительно потеряла свой цвет. Не на самом деле краска была той же, цвета были те же. Но эффект исчез. Магия, если можно было так назвать эту силу, которой обладали рисунки Софьи в ее собственной жизни, оказывается, не распространялись дальше ее личного пространства.

– Мне нужно ее обратно, – сказала Софья. Она была почти в панике. Ксения отдала ей картину.

Когда Софья вернулась домой и повесила картину обрат-

но на свою стену, краски вспыхнули жизнью. Магия вернулась. Картина снова защищала, вселяла в нее уверенность и исцеляющую силу.

Софья поняла с ужасом, что мечты, фантазии, картины – все это работало только для нее. Каждый холст был личным миром, в котором могла существовать только его создатель. Подарить картину означало забрать у нее жизнь, оставить ее просто красивым объектом на стене, без той силы, которая делала ее волшебной.

Она попробовала рисовать картины специально для других людей. Она писала картину для матери, с образом молодости и здоровья. Тот же эффект: когда она отдала эту картину матери, то краски поблекли. Хотя мать повесила ее в спальне и была довольна, волшебства уже не было.

Софья рисовала картину для Ксении, в которой та предстала как великая целительница, врачевательница человеческих душ, окруженная светом. Картина была прекрасна. Но в руках Ксении она была мертва.

В течение нескольких месяцев Софья проверяла это снова и снова. Картины работали только для нее. Они были ее личным волшебством, ее личным способом переделать реальность. Никто другой не мог войти в эту магию. Софья впала в отчаяние. Она имела силу менять мир, но только свой собственный. Она была волшебницей, но волшебство действовало только на ее.

Ее мать, когда Софья объяснила ей ситуацию (частично,

потому что полную правду нельзя было объяснить, не показавшись сумасшедшей), посоветовала ей пойти к психологу. Ксения предложила ей сеансы, но Софья отказалась. Она знала, что она не сумасшедшая. То, что происходило, было настоящим. Это было просто несправедливо.

Она сидела в своей комнате, среди своих картин, с их магией, их силой, их невозможностью быть переданными. И она плакала не от радости, как в первый раз, а от горя – горя того, кто понял, что его самое большое сокровище не может быть разделено.

Часть пятая

Открытие

Поворот произошёл весной.

Софья оказалась в небольшом парке, в том месте, где мало людей, где среди старых деревьев были скамейки и узкие дорожки. Она сидела на одной из таких скамеек, наблюдая за ребенком, девочкой примерно семи лет, которая расположилась прямо на земле и рисовала палочкой на песке.

Девочка рисовала с такой концентрацией, такой серьезностью, как будто эта картина на песке была самой важной вещью в мире. Софья посмотрела на то, что получилось: просто линии, каракули, дом с окнами, похожими на глаза. Но в этом простом рисунке была правда. Была личность. Была мечта.

Девочка закончила рисовать и посмотрела на то, что вышло. А потом – это произошло мгновенно, как откровение – девочка встала и посмотрела по сторонам. И в ее глазах было видно, что она видит то же самое, что видела Софья. Что песок под ее рисунком светился. Что воздух над домиком с глазами-окнами колыхался иначе. Что реальность вокруг картины изменилась.

Софья встала и подошла к девочке.

– Ты видишь это? – спросила она.

Девочка посмотрела на нее, и ее взгляд был абсолютно

честным, абсолютно открытым.

– Вы тоже видите? – спросила девочка.

– Да, – ответила Софья. – Я вижу. И я не одна, кто это видит.

Они вместе смотрели на рисунок. Вокруг него воздух был теплее, мягче. Небо над домиком было нежнее. Близлежащие деревья казались ближе, более живыми.

Это было то же самое, что происходило с картинами Софьи, только в миниатюре, только более хрупким образом, потому что рисунок был на песке и его разносило ветром.

– Как ты это делаешь? – спросила Софья.

Девочка пожала плечами.

– Я просто рисую то, что вижу внутри, – ответила она. – И когда я рисую, то, что внутри, проявляется снаружи.

В этот момент что-то сломалось в сознании Софьи. Или, точнее, что-то сложилось вместе, как пазл.

Не картины создавали магию. Магия была в акте творчества. Магия была в желании передать то, что было внутри, и воплотить его во что-то видимое. Когда человек рисовал, любой человек, в любом возрасте, на любом материале, реальность вокруг его рисунка изменялась, потому что рисунок был актом воли, актом трансформации внутреннего во внешнее. Картины Софьи работали только для нее, потому что они были ее рисунками, сделаны ее руками. Но каждый человек мог создавать свои собственные картины, со своей собственной магией, своим собственным волшебством.

Волшебство было не в картинах. Волшебство было в самом акте рисования.

Софья присела рядом с девочкой.

– Хочешь, я научу тебя рисовать так, чтобы твои рисунки становились еще более волшебными? – спросила она.

Девочка посмотрела на нее и кивнула.

Часть шестая

Учитель

Софья начала учить людей рисовать в начале лета. Она не открыла никакую официальную школу. Она просто разослала сообщение своим знакомым, а они уже включили «сарфанное радио». Сообщение было простым и коротким: «Я учу людей рисовать. Я учу их видеть магию в рисовании. Я учу их менять мир через творчество». Она указала время встреч – несколько раз в неделю, в ее квартире или в ближайшем парке, если позволяет погода. Она не просила денег, она просто искала единомышленников.

Люди приходили. Сначала их было мало – Ксения, мать Софьи, несколько человек, которые знали о ее работах, несколько незнакомцев, которые просто кликнули на объявление. Но с каждой неделей их становилось больше.

В ее квартире, которая была уже переделана ее картинами в студию, собиралось по пятнадцать-двадцать человек. На полу, на столах, на стенах, везде были разложены холсты, краски, кисти. И Софья учила их.

Она не учила технике. Она не учила правилам перспективы, анатомии, цветовой гармонии, хотя все эти знания, накопленные ею за годы изучения искусства, были с ней, присутствовали в ее взгляде, в ее замечаниях.

Софья учила главному: как войти в контакт с той частью

самого себя, которая знает, что рисовать. Как слушать свой внутренний голос. Как позволить своим рукам передать то, что видят глаза внутреннего зрения.

– Рисовать может каждый, – говорила она снова и снова. – Но не каждый хочет. И я здесь не для того, чтобы заставить вас хотеть. Я здесь для того, чтобы показать вам, что если вы захотите, то сможете рисовать, и что случится, когда вы это сделаете.

Первым ее учеником был мужчина, который никогда в жизни не брал в руки кисть. Его звали Дмитрий. Он пришел после смерти жены, потому что ему нечего было делать и жизнь казалась ему пустой и бесцельной. Ему было шестьдесят восемь лет, и он считал себя слишком старым, чтобы начинать что-то новое.

Софья дала ему бумагу и краски. Она не сказала ему, что рисовать. Она просто сказала: – Нарисуй то, что ты чувствуешь сейчас. Не думай. Просто рисуй.

Дмитрий рисовал два часа. Его руки дрожали. Краски были грязные, линии – неровные. Но когда он закончил, на листе была его жена. Не в смысле портрета, но в смысле присутствия. Это была ее сущность, переданная через линии и краски.

Когда Софья посмотрела на этот рисунок, она почувствовала, что в комнате стало теплее. Что воздух стал более плотным, более значительным. Что неживое пространство вокруг этого рисунка ожило. Дмитрий смотрел на то, что он нари-

совал, и плакал.

– Она здесь, – сказал он. – Я чувствую, что она здесь, не ее образ, не память о ней, а она настоящая.

На следующей неделе Дмитрий пришел снова и через неделю тоже. Через два месяца он был постоянным участником группы. Он рисовал жену снова и снова, в разных образах, в разные моменты. Каждый рисунок был актом любви, актом восстановления связи. Каждый рисунок вносил в его жизнь малую каплю того, что он потерял.

Потом пришла Виктория, молодая женщина, которая работала в офисе и потеряла себя в рутине. Она рисовала то, что она всегда хотела быть – свободной, дикой, живущей в гармонии с природой. Ее картины были полны солнца и зелени. И когда она рисовала, ее жизнь медленно начинала меняться. Она ушла с работы. Она поехала на юга. Ее реальность переделалась в соответствии с образом, который она рисовала.

Потом появился Павел, мальчик двенадцати лет, аутист, который практически не говорил. Его привела мать, не надеясь на большое. Павел сидел молча, смотрел на краски, на холст. А потом он начал рисовать. Он рисовал весь день, день за днем. Его картины были странными и прекрасными – абстрактные композиции, которые содержали в себе целые миры. Его мать однажды спросила Софью:

– Что происходит? Павел был таким замкнутым, а теперь он улыбается. Он улыбается, когда рисует.

Софья ответила:

– Он нашел язык. Язык, который у него был внутри, но который он не мог выразить словами. Рисование позволило ему говорить без слов. И когда человек говорит, по-настоящему говорит, пусть даже без слов, реальность слушает его. И отвечает.

Люди приходили и уходили. Некоторые приходили один раз и больше не возвращались, потому что рисование требует смелости, требует готовности встать перед самим собой и быть честным. Не каждый был готов. Но те, кто был готов, те, кто хотел, они оставались, и они менялись.

Софья учила все лето и осень. Ее квартира превратилась в галерею трансформаций. На стенах висели картины ее учеников, сотни картин, каждая из которых была маленьким чудом, маленьким актом восстания против скучной реальности. Комната Софьи была переполнена энергией, магией, силой, исходящей от всех этих картин одновременно.

Потом к ней пришла молодая журналистка, которая написала про нее статью в одном из интернет-изданий. Статья вышла под заголовком: «Чудо в городских джунглях: женщина, которая учит людей менять реальность через рисование». В статье были фотографии квартиры Софьи, картин ее учеников, интервью с несколькими из них. Статья имела успех.

Часть седьмая

Распространение магии

Софья переехала в большое помещение, старое здание на Васильевском острове, которое раньше было мастерской художника. Она открыла школу. Неофициально, но люди знали, где найти ее. Люди, которые потеряли себя. Люди, которые хотели найти смысл. Люди, которые просто хотели почувствовать себя живыми.

Софья учила их всему, что она знала. Но главное, чему она учила, было в понимании: рисование – это не развлечение и не профессия (хотя оно могло быть и тем и другим). Рисование – это акт передачи. Передачи внутреннего во внешнее. Передачи мечты в реальность.

– Каждый день, – говорила она своим ученикам, – вы ходите и думаете, что реальность – это то, что окружает вас. Что мир – это то, что было создано когда-то давно, и вы просто в нем живете, как зерна в песке. Но это неправда. Реальность – это живой организм. Она пластична. Она готова принимать форму ваших мечт, если вы сумеете их выразить.

Проблема в том, – продолжала она, – что большинство людей не знают, как выразить свои мечты.

Они забыли, как это делать. Их учили быть послушными, быть маленькими, не мечтать слишком много. Их мечты остаются внутри, неживые, нереализованные. Но если вы

возьмете кисть, если вы встанете перед белым холстом и позволите себе быть честным – тогда произойдет чудо. Тогда мечта начнет перетекать из внутреннего мира во внешний, и реальность будет вынуждена измениться, чтобы соответствовать этой мечте.

Рисовать может каждый, – повторяла она как мантру, – но не каждый хочет. Те, кто не хотят, остаются в старом мире, в мире, который был создан для них другими. Тот, кто хочет, создает новый мир – мир, который соответствует его внутренней правде. И эти два мира существуют рядом, в одном и том же пространстве, но люди видят разные города, разные дома, разные жизни, в зависимости от того, хотят ли они видеть чудо или нет.

Один из ее учеников, однажды спросил ее:

– Софья, а что происходит с картинами? Когда человек умирает, когда автор умирает, картина продолжает работать?

Софья не смогла ответить сразу, она сидела и долго молчала.

– Я не знаю, – ответила она, наконец. – Я еще не умерла, слава Богу. Мои картины еще работают для меня, потому что я живу. Когда я умру... я предполагаю, что они потеряют свою силу. Или, может быть, они передадут ее тому, кто их получит. Может быть, человек, который получит мою картину, почувствует в ней жизнь, потому что я вложила в нее кусочек своей жизни, и этот кусочек будет продолжать светить

в темноте. Я не знаю. Но я знаю, что это не так важно. Важно то, что картина существует. Что она была создана.

Что в момент ее создания я была честна, я была живой, я была собой. И этого достаточно.

Школа Софьи стала известна не просто как место, где учили рисованию. Она стала известна как место трансформации. Люди приходили с одной жизнью, а уходили с другой. Не волшебным, не в одночасье, но медленно, через серию малых чудес, каждое из которых было актом творчества.

Молодая мать, которая потеряла себя в своих детях, начала рисовать картину про себя, про ту часть себя, которая была до материнства. И медленно, через несколько месяцев, она восстанавливала связь с этой частью. Ее жизнь расширялась. Она становилась не просто матерью, но и женщиной, и человеком.

Человек, который потерял работу, который чувствовал себя ненужным, начинал рисовать картину про значимость. И затем происходило чудо, люди начинали обращать на него внимание, видеть его настоящую ценность. Не потому, что картина их гипнотизировала, но потому что когда человек начинал верить в свою значимость (через акт рисования), это внутреннее убеждение излучалось наружу, и мир отвечал на это.

Ребенок, который страдал от одиночества, рисовал картину про дружбу. И затем в его жизни появлялись дети и взрослые, с которыми он смог подружиться. Не потому, что кар-

тина вызывала их из ниоткуда, как спиритисты вызывают духов, а потому, что рисование давало ребенку смелость быть открытым, быть честным, быть уязвимым. И мир отвечал на эту открытость.

Софья осознала, что реальность – это не грубая, неживая штука, которая сопротивляется изменениям. Реальность – это отражение. Когда вы смотрите в зеркало и видите себя улыбающимся, зеркало улыбается вам в ответ. Когда вы меняете то, что видите в себе изнутри (через рисование, через творчество, через честное выражение своей внутренней правды), реальность меняется, чтобы отразить это новое видение.

– Волшебство – это не нарушение законов реальности, – говорила она. – Волшебство – это понимание этих законов. Реальность следует за мыслью. Если вы можете подумать, если вы можете вообразить, если вы можете выразить это воображение во что-то осязаемое, что-то видимое, что-то честное, то тогда реальность не имеет выбора, кроме как согласиться с вашим видением. Не потому, что мир волшебный, но потому, что мир справедлив. И справедливость требует, чтобы внутренняя правда была отражена во внешней реальности.

Часть восьмая

Испытание

Однажды к Софье пришла молодая женщина, которая была расстроена и в гневе. Ее звали Марина. Она была одной из первых учеников Софьи, одной из тех, кто приходил в начале, когда группа была маленькой, когда магия была еще свежей и удивительной.

– Я хочу обвинить тебя, – сказала Марина, входя в мастерскую. – Я хочу сказать, что ты сделала со мной что-то ужасное.

Софья посмотрела на нее с беспокойством.

– Что произошло?

– Я рисовала, – сказала Марина. – Как ты меня учила, я рисовала свои мечты, мои желания, мою внутреннюю правду. И моя реальность изменилась. Как ты и обещала. Я оставила своего скучного мужа. Я оставила работу, которая мне не нравилась. Я переехала в другой город. Я рисовала картину про любовь, про настоящую, страстную любовь, и я встретила человека.

Софья улыбалась. Это была история успеха. Марина должна была быть счастлива.

– Мы были вместе год, – продолжала Марина. – Год самого большого счастья в моей жизни. И потом он ушел. Просто ушел. И я поняла, что я потеряла все – и его, и все осталь-

ное, что я оставила. Я была так сосредоточена на рисовании картины про любовь, что не замечала реальности. Я была в своем волшебстве, в своем мире, созданном моей кистью. И когда волшебство кончилось, я обнаружила, что я осталась ни с чем.

Марина заплакала. Ее гнев был отчаянием.

Софья молча слушала.

– Я хочу, чтобы ты знала, – сказала Марина, – что твой метод – это опасный метод. Ты учишь людей менять реальность через творчество, но ты не учишь их, что творчество это не всесильное. Что мечты, даже воплощенные в краски, даже пробившиеся в реальность, все еще могут рухнуть. Что люди, которых мы встречаем в реальности, которые рождены из наших мечт, они не обязаны оставаться с нами. Реальность имеет свою волю. И когда воля реальности сталкивается с волей мечты, один из них должен уступить.

Софья посидела с этим несколько минут. Затем она встала и взяла большой холст.

– Садись, – сказала она Марине. – Я хочу, чтобы ты рисовала со мной.

Марина колебалась, но она села. Софья дала ей краски, кисти.

– Нарисуй, – сказала Софья, – то, что произошло. Нарисуй боль. Нарисуй потерю. Но нарисуй и правду – что во время этого года ты была живой. Что ты чувствовала, что ты была собой. Что даже если он ушел, это не означает, что этот год

был ошибкой.

Марина рисовала. Она рисовала в слезах, в гнев, в отчаянии. Но она рисовала честно. И из ее краски вышла история про девушку, которая просыпалась, которая была спящей, которая рисовала свою мечту, и мечта стала реальностью – на время. И когда мечта кончилась, девушка не вернулась в сон. Она оставалась пробужденной.

Когда Марина закончила, она посмотрела на картину и начала плакать – но не от боли, а от узнавания правды, которая была в ней.

– Видишь? – сказала Софья. – Твоя реальность не рухнула. Твоя реальность изменилась. Это не то же самое. Волшебство – это не гарантия счастья. Волшебство – это гарантия того, что ты будешь живой. И жизнь включает в себя боль, включает в себя потери, включает в себя перемены. Но если ты останешься живой, если ты останешься честной, если ты продолжишь рисовать, продолжишь выражать свою внутреннюю правду, то реальность продолжит меняться, продолжит предлагать тебе новые возможности.

Марина поехала домой с этой картиной. Через неделю она пришла на занятия. На этот раз не как обвинитель, а как человек, который прошел огонь и остался целым.

– Я хочу рисовать дальше, – сказала она.

Часть девятая

Расширение

Школа Софьи была уже не просто местом, где люди учились рисовать. Это было что-то большее – что-то между местом силы и храмом исцеления. Каждая комната была заполнена картинами, каждая картина была молитвой, обращенной к реальности.

У Софьи появились помощники – ее ученики, которые сами прошли через трансформацию и были готовы помогать другим. Дмитрий, который нарисовал свою жену, теперь преподавал по пятницам. Павел, теперь уже молодой человек, преподавал группе детей, которые, как и он, находили в рисовании способ выразить то, что не могли выразить словами.

Школа начала расширяться. Люди рассказывали о ней. Люди писали о ней в интернете. Статьи, видео, подкасты – все говорило об одном: в Петербурге, на Васильевском острове, работает школа, в которой учат менять реальность через творчество.

Но Софья была осторожна. Она знала опасность масс. Она знала, что, когда что-то становится популярным, оно теряет суть. Люди приходили, ожидая чуда, чуда, которое произойдет с ними, как волшебная палочка. Они не хотели работать. Они не хотели быть честными. Они хотели, чтобы

кто-то другой изменил их жизнь.

Софья их отпускала.

– Это не школа для тех, кто ищет волшебства, – говорила она. – Это школа для тех, кто готов работать. Кто готов встать перед белым холстом и быть честным со своей собственной душой. Кто готов учиться не результату, а процессу.

Люди приходили, уходили. Но те, кто оставался, те, кто хотел настоящего, становились ее самыми верными учениками.

Софья написала несколько статей про свою философию. Она рассказала о том, что волшебство – это не нарушение законов природы, это их применение. Что каждый человек – это художник, живущий свою жизнь на холсте реальности. Что вопрос не в том, может ли человек менять реальность (может каждый), а в том, хочет ли он.

Она понимала, что самое главное было в отдельных людях, в отдельных жизнях, которые она изменила. Главное было в каждой картине, которая была нарисована в ее мастерской, в каждом человеке, который нашел смысл через краски и холст.

Часть десятая

Циклотроны реальности

Многие годы спустя, когда Софья была уже пожилой женщиной, когда ее волосы поседели, а руки выглядели как высушенные ветви, но все еще могли держать кисть, ее пришла интервьюировать одна молодая журналистка. Название интервью было: «Женщина, которая учила мир рисовать».

– Можно я вас спрошу что-то личное? – спросила журналистка. – В начале, когда вы обнаружили, что ваши картины меняют реальность, вы хотели дать их другим людям. Вы хотели, чтобы они работали для всех. Почему вы изменили свой курс? Почему вы не попытались создать картину, которая работала бы для всех?

Софья улыбалась. Она часто думала об этом за годы.

– Потому, – ответила она, – что я поняла что-то фундаментальное о природе реальности. Реальность – это не монолит. Это не одна-единственная вещь. Реальность – это бесконечное количество мини-реальностей, каждая из которых принадлежит одному человеку, его истории, его восприятию, его мечтам. Когда два человека встречаются, их реальности пересекаются, перекрываются, создавая общее пространство. Но каждый человек всегда живет в своей собственной версии реальности.

Моя картина, – продолжала она, – может работать только

для меня потому, что она создана из моего видения. Если я дам ее кому-то другому, они могут восхищаться красотой, но волшебство не перейдет к ним. Потому что волшебство – это не в объекте, волшебство – это в отношении между создателем и созданием.

Но вот что интересно, – добавила Софья, – когда я начала учить других рисовать, я открыла дверь в их собственное творчество, их собственную магию. И тогда произошло невероятное. Реальности начали накладываться друг на друга. Комната, полная людей, каждый из которых рисует свою мечту, создает что-то вроде большого циклотрона реальности. Волшебства складываются, взаимодействуют, усиливают друг друга. И люди в этой комнате начинают ощущать не только свою собственную магию, но и магию всех остальных.

– Вы говорите про коллективную реальность? – спросила журналистка.

– Не совсем. – ответила Софья. – Это не коллективная реальность, потому что каждый человек все еще остается в своей собственной версии мира. Но их версии становятся более богатыми, более полными, потому что они содержат отпечатки других миров, других мечт. Когда человек рисует рядом с другим человеком, когда он видит, как его мечты воплощаются, это вдохновляет его собственные мечты, расширяет его собственный мир.

Я думаю, что вся эта идея о том, что волшебство работает только для человека, который его создал – это не недоста-

ток, а преимущество. Потому что это означает, что каждый человек отвечает за свою собственную реальность. Никто не может заставить вас жить в мире, который вы не выбирали. Вы всегда имеете право рисовать свой собственный мир, создавать свою собственную магию.

Эпилог

Вечное творчество

Софье исполнилось девяносто два года, и она все еще стояла перед холстом каждый день.

Ее руки уже не были такими сильными, как раньше. Иногда кисть падала из ее пальцев, и ей требовалась помощь, чтобы ее поднять. Ее зрение ослабело, картины, которые она видела внутри себя, становились все ярче, в то время как внешний мир потускнел, словно покрытый легкой дымкой. Ее спина болела от долгих часов, проведенных над холстом. Ее ноги часто отказывали ей, и она вынуждена была сидеть на высоком табурете во время работы.

Но она рисовала. Каждый день. Без перерывов.

Ее помощники и ученики предлагали ей отдохнуть, взять выходной, передать работу молодым людям. Софья смеялась – ее смех был все еще молод, все еще полон жизни.

– Отдохнуть? – спрашивала она. – Я уже достаточно отдохнула, когда была молодой и не рисовала.

Теперь я живу. Теперь я работаю. И я буду рисовать до последнего вздоха.

Мастерская Софьи была теперь легендой. Люди приезжали, чтобы посидеть рядом с ней, поговорить с ней, попросить совета. Ее считали гением, провидицей, шаманкой новой эры. Софья относилась ко всему этому с легкой улыбкой.

Она не отвергала славу, но она и не была ею озабочена. Ее внимание было сосредоточено только на холсте. На том, что она рисовала прямо сейчас. На настоящем моменте творчества.

– Слава – это картина, нарисованная другими людьми, – говорила она. – Это их интерпретация моей работы. Это не моя картина, и поэтому я не ищу в ней магию. Магия только в том, что я создаю сама, собственными руками, с собственной душой.

Ее ученики выросли. Многие из них теперь были уже в том состоянии, когда у них самих появились ученики. Павел, ставший художником и преподавателем, создал уникальный метод обучения людей, которые не могут выражать себя словами.

Виктория, которая оставила офисную работу, стала известной художницей. Она жила в своем загородном доме, рисовала каждый день, и ее творчество становилось все более глубоким, все более честным.

Марина, та, которая пришла к Софье в гневе и отчаянии, стала ее соавтором. Они вместе создали несколько совместных проектов – инсталляции, мультимедийные работы, которые изменяли пространство, в котором их показывали. Марина часто говорила, что встреча с Софьей спасла ее жизнь, но не тем способом, которым она это себе представляла. Встреча спасла ее, потому что научила ее жить честно, творчески, полностью.

Софья же продолжала двигаться дальше. Она не была привязана к одному методу, одному стилю. Ее творчество постоянно эволюционировало. В семидесятилетием возрасте она начала работать с абстракцией. В восьмидесятилетием она вернулась к фигуративной живописи, но совершенно новой, совершенно ее собственной. Теперь, в девяносто два года, она создавала что-то совершенно невозможное, картины, которые существовали не только на холсте, но и в четвертом измерении, картины, которые менялись в зависимости от угла зрения, от времени суток, от состояния смотрящего.

Ее квартира, где все началось, была теперь полностью преобразована. Стены, полы, потолки, все было покрыто картинами, или, вернее, все было одной большой картиной, которая писалась всю жизнь. Людей, которые входили туда, охватывало головокружение – это чувство, что они находятся не в квартире, а внутри чужой реальности. Потому что это была именно такая реальность, материализованная, завернутая в краски и холст.

В девяносто два года Софья написала серию картин, которую назвала «Циклы». Это были огромные полотна, каждое размером более трех метров. На каждой картине была жизнь – но не одна жизнь, а множество жизней, вложенных одна в другую, как матрешки. Были ее жизнь, жизни ее учеников, жизни людей, которых она никогда не встречала, но чьи истории просочились в ее сознание через годы преподавания.

– Это моя последняя серия, – сказала она журналистке, которая пришла ее интервьюировать в честь ее девяносто второго дня рождения.

Журналистка испугалась.

– Софья Петровна, вы имеете в виду...

– Нет, – рассмеялась Софья. – Я не имею в виду, что я умру. Я имею в виду, что эта серия завершает один цикл моего творчества. После нее начнется другой. Я буду рисовать что-то совершенно новое. Что-то, что я еще не представляю, но что знает моя рука, моя душа.

Никогда нельзя говорить «последнее», когда речь идет о творчестве, – сказала она. – Творчество – это бесконечный процесс. Каждая картина – это не конец, а начало нового пути. Каждый день – это новое рождение, новая возможность видеть мир иначе, творить иначе.

В ее студии на Васильевском острове продолжала работать школа. Теперь там обучались люди всех возрастов, от четырехлетних детей до пенсионеров. Софья приходила туда несколько раз в неделю, когда чувствовала себя хорошо. Она просто сидела, смотрела, как люди рисуют, иногда давала совет, но чаще всего просто своим присутствием вдохновляла их продолжать.

Ее внезапные визиты становились событиями. Люди останавливали работу просто для того, чтобы посмотреть на нее, понять, что Софья видит в их рисунке. И они видели в ее взгляде не критику, не осуждение, а любопытство. Живой

интерес к тому, как каждый человек видит мир.

Однажды во время такого визита маленькая девочка спросила ее:

– Софья Петровна, когда вы перестанете рисовать?

Софья присела рядом с девочкой.

– Никогда, – ответила она.

– Но люди же умирают, – сказала девочка, озабоченно морща лоб.

– Да, – согласилась Софья. – Люди умирают. Но рисование – это не люди. Рисование – это отпечаток, который мы оставляем на мире. И пока мир существует, пока люди смотрят на картины, которые я создала, я в каком-то смысле продолжаю рисовать. Потому что каждый человек, который смотрит на мою картину и позволяет ей изменить свою реальность, продолжает то дело, которое я начала.

Это называется бессмертием, – добавила она. – Но не тем бессмертием, о котором говорят в сказках. Это бессмертие через действие, через работу, через честность. Если ты живешь полностью, если ты творишь полностью, то ты уже становишься бессмертным, даже пока ты еще жива.

Софья вернулась в свою квартиру, где ее ждал новый холст. Она взяла кисть, обмакнула ее в краску и начала рисовать. Ее движения были медленными, осторожными, но полными смысла. Каждый штрих был молитвой, каждая линия была исповедью.

На холсте начал проявляться образ – человек, стоящий пе-

ред огромной дверью. Дверь была заперта, на ней было множество замков. Но человек улыбался. И из-под его ног начинали расти цветы, пробивая землю.

Софья рисовала часами. Когда стемнело, она зажгла лампу. Когда ее руки устали, она сделала перерыв, выпила чай, посмотрела в окно. И потом вернулась к холсту.

Она рисовала, потому что она была жива. Она рисовала, потому что рисование было ее способом разговаривать с реальностью, способом слушать то, что говорила ей ее душа. Она рисовала, потому что в каждом штрихе кисти была ее мечта, и каждый раз, когда она рисовала, она жила в этой мечте полностью, без сомнений, без сожалений.

И в свете настольной лампы, в тишине своей квартиры, с холстом перед собой, Софья была счастлива.

Не простым счастьем, не кратковременным удовольствием. Это было глубокое, долгое счастье человека, который нашел свой путь, свой смысл, свой способ быть в мире.

Она будет рисовать завтра. И послезавтра. И в следующем году. И в следующем десятилетии, если ей будет дано. Потому что творчество – это не занятие, которое можно закончить. Творчество – это способ жизни. И пока Софья жива, пока ее руки могут держать кисть, пока ее глаза могут видеть мир, она будет рисовать.

Она будет рисовать свои мечты. Она будет рисовать реальность. Она будет рисовать свое понимание того, как эти две вещи соотносятся, как они переплетаются, как они со-

здают то, что мы называем жизнью.

И люди по-прежнему будут приходить к ней. И она будет учить их. И они будут учить других. И таким образом, через краски, через честность, через творчество, магия будет распространяться, охватывая все больше и больше сердец, все больше и больше реальностей.

Рисовать может каждый. Но не каждый хочет.

И тот, кто хочет, никогда не будет один.

5. Тень последнего мифа

Собиратель осколков

Виктор, как осколок луча на забытой стене, всю жизнь собирал впечатления. Пока другие рисовали картины своей судьбы уверенными мазками, он искал ключ к главной двери – той, что выходит в сад ответов. Этот сад существовал где-то между реальностью и воображением, и Виктор был убежден, что однажды найдет тропинку, ведущую туда.

Он родился в обыденной квартире с плюшевой стеной и библиотекой «мама – папа – учебник». Рядом с советской лампой на тумбочке лежали конфеты, которые он никогда не решался доесть до конца, будто и они – хранители неизвестного смысла. Даже в детстве Виктор чувствовал, что в обычных вещах скрывается глубокий код, который нужно разгадать.

С детства ему говорили: «Будь собой, но не слишком». Фраза эта преследовала его сквозь школу, университет, первую работу. В школе его научили дробить дроби и раскладывать вселенную на формулы, обещая, что однажды между интегралами и туристическими путешествиями он

поймет все. Учителя верили в силу знания, в способность науки ответить на главные вопросы. Но Виктор, даже решив самую сложную задачу, ощущал, что решил только ее, а не то, ради чего нужно было решать.

Его мать была учительницей литературы и иногда ночью, когда Виктор не спал, приносила ему сборники стихов.

– Видишь, здесь, – говорила она, указывая на какую-нибудь строку, – поэт говорит не то, что хочет сказать. Он говорит то, что может быть услышано.

Мальчик тогда не понимал этой разницы, но слова матери откладывались в его памяти, как семена, ждущие правильной почвы.

Пил этот мир Виктор маленькими глотками – через книги, через оперу, через советские комедии и трагедии, полусмешные компьютерные игры с озаренными героями, которые всегда выбирали «праведный» путь и выигрывали всё, кроме настоящей жизни. Он мог часами сидеть в кинотеатре, пока на экране разворачивались чужие судьбы. Ему казалось, что в этих историях – на экране, в книгах, в музыке – живет та истина, которую невозможно найти в обыденности.

В двадцать пять лет Виктор уже работал в достаточно крупной IT-компании. Его коллеги были удовлетворены жизнью: зарплата позволяла снять квартиру, купить авто или

мотоцикл, ездить в отпуск в Таиланд. Они не задавали лишних вопросов о смысле кода, который писали. Для них алгоритм был просто инструментом, способом заработка. Но Виктор все время ощущал, что пишет на языке, который никому не нужно переводить. Каждая строка кода казалась ему вопросом, обращенным в пустоту.

– Ты слишком много думаешь, – говорил его начальник, – просто делай работу.

Но Виктор не мог просто делать. Он постоянно спрашивал себя: зачем? Какой смысл в этом приложении? Кто будет его использовать и почему? Станет ли его жизнь благодаря этому коду хоть на миллион долей полнее?

Город осенних метаморфоз

Однажды он очутился на пороге нового города, куда приехал якобы на деловую конференцию. Но конференция длилась три дня, а Виктор остался на две недели. Название города он забыл сразу же после приезда, хотя это казалось невозможным. Город словно вырезан был из его детских фантазий – здания росли неправильно, асимметрично, так, как растут деревья в волшебных лесах. Узкие улочки петляли между фасадами, украшенными лепниной, которую никто не реставрировал десятилетиями. Жители же города – они были словно из неопубликованных пьес Чехова: люди, которые говорили о чем-то важном, но никогда не договаривали, всегда оставляя зазор между словом и смыслом.

Это был конец сентября, и листья падали медленно, как будто время здесь текло по другим законам. Виктор ходил по улицам часами, не задавая маршрута. Ему казалось, что город сам ведет его туда, где нужно. Он заходил в маленькие книжные лавки, где за стойкой сидели люди, читающие те же самые книги, которые читал он. Никто не спешил продавать ему ничего. Общение здесь было похоже на старинный танец, где каждое движение имеет значение, а молчание – тоже часть диалога.

В кафе на углу улицы Грибоедова (это название он помнил) с ним заговорила Анна. Она сидела за столиком у окна, подставив чашку под солнечный луч, и смотрела, как золотистый свет проходит сквозь напиток. Девушка была с глазами цвета прощания – такого серовато-голубого оттенка, в котором есть и грусть, и надежда. Ее голос, когда она заговорила, мог бы стать вступлением к симфонии Маха, той самой, что слушал Виктор перед тем, как приехать сюда.

– Как ты думаешь, где живет настоящая память? – спросила она, даже не представляясь. – Я имею в виду не фотографии, не дневники, не записи в интернете. Я спрашиваю про настоящую память, ту, что хранит не факты, а чувства.

Виктор замялся. Ему казалось, что это вопрос, на который он всю жизнь пытался ответить.

– Честно говоря, я часто не помню даже важные события, – признался он. – Помню ощущения, отдельные кадры, но часто не могу сложить из них целостную историю. Мне кажется, что память где-то между детскими мифами и вчерашним отчетом по работе. Весь опыт как-то размазан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.